

С особым теплом и душевностью вспоминаю я это время.

Ходили мы по реке нашей, Енисею, с этнокультурным фестивалем «Дети одной реки» — вниз по течению до Дудинки и обратно. С концертами, выставками, лекциями... Историки, артисты, художники да писатели — с миссией и желанием повидаться с людьми, живущими в отдалённых районах севера Красноярского края.

Ходили на разных корабликах (а поначалу артисты с концертами летали на Диксон на самолёте). На мой же век выпала золотая середина существования фестиваля, и мы шли на большом теплоходе «Александр Матросов». Не помню, кто предложил мне туда поехать. Настроения не было, да и особого желания тоже. Не ведала я тогда, чего могу не прожить... На рассвете все собрались, мы отчалили — и в путь. И вот тут-то и раскрылся для меня Енисей своими красотами. Своей мощью, берегами, тайнами, рассветами и закатами, порогами и островами, похожими на огромных, обросших деревьями сказочных рыб... Всем тем, чего так давно не хватало моей душе. И невозможно было не слиться с природой в такие моменты.

Радоваться не хотелось... Это был год, когда по весне вдруг неожиданно умерла мама, и это стало для меня незаменимой утратой теперь уже навсегда. Возможно, кто-то специально отправил меня туда и именно на тот корабль. Руководителя нашего фестиваля все звали не иначе как мама. Мама детей одной реки... Никто даже не догадывался,

как нужно и как дорого для меня это слово. И как мне хочется быть ещё одним ребёнком с ними со всеми вместе...

Компания подобралась приятная: смешные дядьки-музыканты, весёлые ребята-звучаки, вокалисты, телевизионщики и работники краеведческого музея... Мама познакомилась с нами и перезнакомила нас всех. Она сразу объединила нас общими футболками и кепками с логотипом «Дети одной реки». Потом уж так и ходили по кораблику, сияя волнами и солнушками на груди... В этом году у футболок был синий цвет. В другие года — белые, бирюзовые, оранжевые цвета. Всегда разные. Со временем можно было понять, кто в каком году был с фестивалем, так как каждый хранил эти футболки с особым теплом и любовью в память о прожитом вместе счастье и надевал только по праздникам. Пассажиры теплохода радовались, что все мы у них есть, так как плыть с нами было гораздо веселее, чем без нас. Музыканты репетировали: дудели в свои трубы, били в барабаны и играли на балалайке и домре. Вокалисты распевались на палубе. Мы, художники, глазели на всё это и ещё не понимали, что же хотим писать: всё было слишком прекрасно, чтобы смочь передать это картинками...

И вот он, первый концерт! Прямо на палубе, для всех нас, матросов и пассажиров — всех, кто отправился в этот путь... Ветер дул в уши, и дождь вот-вот собирался зарядить, пожалуй, на целый день. А они поют, играют в нарядных концертных платьях и костюмах, в то время как все остальные кутаются в куртки, спасаясь от жуткого холода. «Герои...» — виделось мне. И невозможно было не быть им благодарными и не любить их... Спасибо вам!

Дальше сдружились ещё больше. Начали давать концерты на дебаркадерах, причаливая к берегам. Люди нас уже ждали и искренне радовались встрече. Кто-то давал встречные концерты, бывало, и с хлебом-солью... Я вспомнила свои фирменные «крендельковые» танцы и уже не могла сдержаться и нет-нет да плясала вместе с артистами и жителями, пришедшими нас послушать. Как-то раз мальчик выиграл какой-то конкурс, который мама устроила для ребятшек, но у неё вдруг кончились те подарки, что она взяла на

берег... пауза... я тут же надела ему свою кепку в награду за выигрыш. Позже мама подарила мне новую, тоже в награду.

Так и шли наши фантастические, замечательные, какие-то просто волшебные дни...

До Дудинки их было три, так как шли по течению, а обратно, против течения, их было семь. Десять дней счастья... Ещё всегда был шанс не пройти в порогах и побыть на реке на денёк подольше — он был в запасе. Мы устроили свою выставку на корме, писали этюдики и делали мастер-классы для пассажиров. Так как дружили уже все и всем кораблём, меня начали раскручивать «на слабó» в рисовании портретов. Я с удовольствием велась, рисовала и просто дарила им их счастливые лица. И всё было нашим счастьем: и полярный круг, и север Дудинки, и солнце, которое всю светило среди ночи как днём, и чайки... Чайки летели за кораблём всю дорогу. Понятно, что они ждали рыбу — ту, что ломали мы своим ходом, но хотелось верить и думать, что они вот так просто верно летят с нами, слушая наши концерты и зорко следя за правильностью нашего направления. Мы кормили их булками — теми, что таскали для них с обеда. Счастье и радость переполняли всех нас...

Однажды музыканты отрепетировали и вдруг сыграли для меня ту песню, что мама пела со мной в детстве. «...Раз, два, туфли надень-ка! Как тебе не стыдно спать? Славная, милая, смешная Ленка нас приглашает танцевать...» — спели они мне. Я не могла не собрать народ в танце! И не знали они, какую песню из детства спели, и как больно на самом деле мне ещё с весны, и как счастливо оттого, что все они у меня сейчас есть...

...На следующий год, когда фестиваль пошёл тем же маршрутом, я не смогла без них. Купив билет на корабль как пассажир, я снова отправилась вместе с ними в этот путь. Я всё ещё оставалась дитём... На этот год нам достались футболки белого цвета. И всё по новой... только иначе. Леса горели... Берегов не было видно... Воздух как белое молоко... Но в этом тоже была своя задумчивость. Иногда мы не могли причалить к берегу оттого, что там просто было мелко, и люди подплывали к борту на лодках, чтобы послушать наши концерты, высадиться или сесть на корабль. Они были в кепках или в футболках прошлого года, и всем — и им, и нам — было

видно, что все мы дети одной реки, живущие на могучей реке нашей — Енисее. Случалось и так, что пели в вечность — это когда берег был за несколько километров и было чуть видно, что где-то там, кажется, есть люди. И даже, может быть, слышат нас... Однажды мы причалили к дебаркадеру, и на нём в ожидании стояла старушка, будто наряженная и с маленьким букетиком в руках. И будто бы вглядывалась в причаливающий корабль в ожидании кого-то... Мне подумалось тогда, что, видно, встречает. Мы спели концерт и снова в путь. Капитан кричит: «Отдать швартовы!» Отчаливаем... Людей уже мало... И вдруг я вижу, что она-то так и стоит. Маленькая, в платочке и с этим букетиком в руках. Значит, не встретила... Что это? Было больно про это думать и на это смотреть.

Мы шли дальше... Снова концерт. Я не помню, что это было за место, да это и не важно. Как и прежде, собрались люди, кто-то был нарядно одет... Среди них я отыскала взглядом маленького старика. Он был в грязных брюках с ремнём, но ширинка на них была сломана. Тельняшка большого размера и тоже не первой свежести. Рукава висели, будто снятые с больших плеч... Чуточку лохматый, но добрый внутри. Наши играли концерт, он слушал, а я смотрела на этого старика: кто он, как он прожил свою жизнь?.. Наверное, он надел лучшую одежду, что у него есть, собираясь на этот концерт. Внимательно прожив с нами всё это время, он закурил, когда ребята начали грузить инструменты на корабль. «Отдать швартовы!..» Отчаливаем... Старик мой, старик... Какое искреннее, глубокое, молчаливое спасибо читалось в его глазах! Спасибо нам за этот концерт... Спасибо за то, во что он сейчас одет... Спасибо за ту жизнь, которую ему довелось прожить... Спасибо всем и за всё: и за хлеб, и за соль, которые он отведал! Старик мой старик... ты — это я... И спасибо всем вам, что все вы были в моей и его жизни... Спасибо тебе, наша мама, и тебе, батюшка наш Енисей... Вы даже не знаете, какими родными и близкими стали вы для меня!

Дети одной реки — мы...